

ИСТОРИИ

Не волнуйтесь, ваша честь, я буду краток Как подсудимые по делу «Седьмой студии» в последний раз попытались доходчиво объяснить суду, почему они невиновны. Репортаж «Медузы»

08:16, 23 июня 2020 · Источник: Meduza

Фото: Вячеслав Прокофьев / ТАСС / Scanpix / LETA. Кирилл Серебренников, Софья Апфельбаум и Алексей Малобродский (слева направо) в Мещанском суде Москвы на заседании по делу «Седьмой студии». 22 июня 2020 года.

[Ссылка на материал](#)

...

Берегите себя и отправляйте этот материал
только тем, кому вы доверяете

В понедельник, 22 июня, в Мещанском районном суде Москвы прошли заключительные прения сторон по делу «Седьмой студии», которое длится уже почти три года. Заседание шло почти десять часов — все это время судья Олеся Менделеева и спецкор «Медузы» Анастасия Якорева слушали позиции сторон и последние выступления обвиняемых.

В 11 утра перед залом заседаний в Мещанском суде толпятся журналисты. Вместе с ними композитор Александр Маноцков, директор Центра Мейерхольда Елена Ковальская и несколько актеров «Гоголь-центра», которые пришли поддержать обвиняемых. В самом зале приставы рассаживают людей с дистанцией около метра друг от друга — поэтому заметная часть людей вынуждена отправиться слушать трансляцию заседания в другой зал. Пока журналисты и слушатели рассаживаются, Кирилл Серебренников снимает зал на телефон, но уже через несколько минут судья Олеся Менделеева в черной плотной маске начинает заседание.

Позиция обвинения

Прокурор Михаил Резниченко говорит, что вина подсудимых доказана, они нанесли государству ущерб в 128 миллионов рублей, стоимость спектаклей была завышена, но проблем с Министерством культуры у них не было благодаря покровительству бывшего директора департамента поддержки искусства Минкульта Софьи Апфельбаум. А сами деньги обналичивались с ведома режиссера Кирилла Серебренникова. Прокурор ссылается на слова Элеоноры Филимоновой, помощницы бывшего бухгалтера «Седьмой студии» Нины Масляевой — хотя недавно она заявила о давлении следствия. Это не мешает опираться на ее показания, говорит Резниченко. Затем почти полчаса прокурор монотонно зачитывает несколько листов с описанием транзакций: даты и суммы, которые перечислялись из бюджета «Седьмой студии», а затем компаниям, которые занимались обналичиванием. Явно устав, он прерывается:

— Ваша честь, все ссылки приведены в тексте моей речи, наверно, не буду все это читать?

— Да-да, — оживает судья.

Заключительная часть речи прокурора более эмоциональна, он даже начинает жестикулировать и уже не ссылается ни на чьи показания.

— Очевидна несостоятельность и даже некоторая комичность версии защиты, — говорит Резниченко.

— Получается, что вышедшая из-под контроля бухгалтер «Седьмой студии» Масляева начала чуть ли не самостоятельно выводить с банковских счетов огромные суммы денег на счета знакомых индивидуальных предпринимателей. Во-первых, возникает вопрос: а зачем это нужно было Масляевой? Наверно, защита будет говорить, что затем, чтобы поживиться на тех самых комиссионных за обналичку, но каких-либо данных о том, что Масляева получала выгоду, нет и быть не может, потому что комиссия по показаниям свидетелей составляла 8–9%, как минимум 7% процентов уходило на уплату налогов, а были еще транспортные расходы, да и сами обналичиватели должны были что-то получить. Как же Масляевой удавалось проворачивать эти схемы под носом у опытных Итина⁽¹⁾ и Малобродского⁽²⁾? Как можно было не заметить уменьшение финансирования на 8–10%? Ответ один — все руководство «Седьмой студии» не только знало, но и было заинтересовано в этом. Ведь нет ничего проще чем сказать Масляевой: пойді на улицу Земляной Вал, там Альфа-Банк, сними денежные средства и возвращайся. Там пять минут идти. Нет. Они денежные средства возили из Санкт-Петербурга.

Толпа на входе в зал перед началом заседания по делу «Седьмой студии». 22 июня 2020 года

Максим Шипенков / EPA / Scanpix / LETA

По версии обвинения, аудиторская проверка, которая началась в «Седьмой студии» в сентябре 2014 года, была сделана, чтобы «замести следы» — потому что в октябре 2014 года из Минкультуры уволилась Софья Апфельбаум, «обеспечить прикрытие хищениям было уже некому» и пришлось срочно приводить в порядок документы. А замечать следы пришлось, потому что деньги на спектакли были похищены в составе организованной группы, подытоживает Резниченко. Он просит признать подсудимых виновными и назначить Серебренникову наказание в виде шести лет лишения свободы в колонии общего режима, Малобродскому — пять лет, Апфельбаум

и Итину — по четыре года, лишить всех подсудимых возможности занимать административные должности на три года и удовлетворить гражданский иск о взыскании с них 128 миллионов рублей. Правда, оговаривается Резниченко, следствие установило, что подсудимые нанесли потерпевшей стороне — Министерству культуры — ущерб в 130 миллионов рублей, но эта сумма будет уточняться, и пока фигурантам вменяются в вину только 128 миллионов.

А В ЭКСПЕРТИЗЕ БЫЛО 129 МИЛЛИОНОВ

Третья экспертиза по делу «Седьмой студии» оценила хищения при реализации «Платформы» Серебренникова в 129 миллионов рублей «Медуза» изучила экспертизу и нашла в ней много ошибок

Серебренникову гособвинитель также просит назначить 800 тысяч рублей штрафа, Малобродскому — 300 тысяч, Апфельбаум и Итину — по 200 тысяч.

После прокурора Резниченко выступает представитель Минкультуры Людмила Смирнова — молодая рыжеволосая девушка в белой юбке и с зеленым рюкзаком. Она говорит, не снимая маски, так что ее плохо слышно, но в целом поддерживает позицию обвинения и считает, что стоимость спектаклей «Седьмой студии» была необоснованно завышена.

Позиция защиты

После прокурора выступает адвокат Апфельбаум Ирина Поверинова. Она говорит о том, что у ее подзащитной не было возможности влиять на выделение средств, а первые документы «Седьмой студии» она подписывала и вовсе по доверенности и по стечению обстоятельств, потому что ее начальник Алексей Шалашов был в отпуске, а его зам уволился. Апфельбаум не была наделена правом финансовой подписи, а департамент господдержки не должен был контролировать финансы, говорит Поверинова.

После нее выступает сама Апфельбаум. Она заметно переживает, говорит быстро и эмоционально. «У меня не было доверенности, не было права составлять конкурсную документацию, — перечисляет она. — У меня даже вертушки⁽³⁾ не было, я только на суде узнала, что у руководителей департаментов есть такая спецсвязь. Никак продвинуть проект я не могла». Апфельбаум говорит, что ее увольнение из Минкульта в октябре 2014-го и аудиторская проверка в «Седьмой студии» в сентябре того же года не могут быть связаны, потому что она сама узнала о своем увольнении только в октябре. «Меня вызвал в кабинет [министр культуры Владимир] Мединский и сказал: „Понимаете, Софья Михайловна, обстоятельства так складываются, что вы не можете больше работать“», — говорит Апфельбаум. При этом

ни один свидетель не дал показания о том, что ей передавалось какое-то вознаграждение, указывает она: «Кажется, звучала фраза: „Сходи, отнеси коньяк в Минкультуры. Но я вообще коньяк не пью“».

Следующим выступает адвокат Юрия Итина Эдуард Лысенко. Он говорит о том, что, по версии обвинения, обналичивание приравнивается к хищению, а доказательств того, что обналиченные 130 миллионов рублей были потрачены не на проекты, в деле нет, как нет и доказательств, что обналиченные деньги вообще передавались кому-то из руководства «Седьмой студии».

После Лысенко выступает сам Итин. Он, в отличие от остальных, не пользуется никакими записями и говорит не больше 10 минут, сцепив руки за спиной.

— Я не могу себе простить, что уехал в Ярославль и не уделял должного внимания «Платформе», — говорит он. — Не было преступного деяния, была масса ошибок. Я не признаю вину в том виде, в котором она предъявлена. Это не значит, что я не совершал ошибок. Я корю себя за многое и чувствую себя ответственным и перед товарищами и перед собой, конечно, надо было уделять проекту больше времени.

После Итина очередь доходит до адвоката Малобродского Ксении Карпинской. Она говорит о том, что в деле не описан механизм хищения, в показаниях свидетелей

обвинения нет подтверждений того, что обналиченные деньги кому-то передавались, а Минкультуры почему-то до 2017 года не считало себя потерпевшей стороной, а, наоборот, считало проект «Платформа» важным достижением.

Следующее выступление — самого Малобродского. Он говорит неспешно, много шутит, и судья улыбается ему. Он рассказывает про свой арест и то, как он был обоснован, и делает вывод — арестовать его нужно было, только чтобы надавить и получить нужные показания.

— Но бюрократические нормы требуют, чтобы задержание было обосновано, и тогда возникла справка об оперативно-разыскных мероприятиях, в которой оперативник категорически утверждал, что я совершил преступление, угрожаю свидетелям и консультируюсь с сотрудниками правоохранительных органов, и использую связи в правительстве. Два последних утверждения о связях в правительстве и правоохранительных органах — они как-то окончательно обезоруживают, — читает свою позицию Малобродский.

11 месяцев в СИЗО закончились для Малобродского ишемической болезнью сердца и несколькими госпитализациями, говорит он.

Потом выступает адвокат Серебренникова Дмитрий Харитонов. Его выступление самое длинное из всех.

— Есть группа, которая оговаривает Серебренникова, — говорит Харитонов. — Мотивы этого оговора очевидны — эта группа сама нарушила закон. Я называю эту группу «группа Масляевой». В эту группу входит сама Масляева, ее любовник Синельников⁽⁴⁾, ее друг и коммерческий партнер Педченко⁽⁵⁾ и другие. В общем, ваша честь, это все свидетели обвинения. Эти лица и создали незаконную банду. Но их никто к ответственности не привлекает. Они молодцы. Но весь их оговор состоит в том, что Серебренников знал, что денежные средства обналичиваются, или давал об этом показания, или без Серебренникова вообще ничего не происходило.

ПОДРОБНО О ПОКАЗАНИЯХ МАСЛЯЕВОЙ

Дело «Седьмой студии»: версия прокуроров
«Медуза» прочитала обвинительное заключение и выяснила, что бухгалтер Нина Масляева рассказала следствию

«Наша версия о том, что Масляева говорит неправду, подтвердилась» Суд вернул дело главного бухгалтера «Седьмой студии» в прокуратуру. Что это может значить?

Пока Харитонов говорит, несколько человек из слушателей уходят с заседания. Судья Менделеева резко прерывает Харитонova и говорит, что запрещает хождение по залу — и если еще кто-то выйдет, то она выведет вообще всех слушателей.

— Тогда друг на друга обижайтесь, — резюмирует судья.

Потом Менделеева несколько раз просит Харитонova говорить покороче:

— Вы посмотрите, Серебренников голову повесил, и Софья Михайловна почти спит, — уговаривает она защитника.

Серебренников говорит ей с места:

— Не волнуйтесь, ваша честь, зато я буду краток.

Почти через два часа, когда Харитонов заканчивает выступать, наступает очередь Серебренникова. Его речь действительно короткая, он не ссылается в ней на чужие показания или нестыковки в материалах дела, он говорит только о проекте «Платформа», его влиянии на искусство и театр и отношение к нему государства.

— Есть разные версии, почему вообще возникло «театральное дело». <...> Сейчас это не важно — важно, что мы сделали «Платформу» со всей ее многоукладностью, свободным перетеканием жанров,

с необычностью, с яркостью и непривычностью, и она оказалась онтологически чужда всей системе культуры бюрократии, культуры лояльности. И теперь понятно, что это «пострадавшее» министерство — совершенно токсичная контора, которая в любой ситуации только предаст и подставит.

Он также признает, что бухгалтерия велась из рук вон плохо, и говорит, что не удивился бы, если бы разбирательство велось именно в этой плоскости — «как бухгалтеры обналичивали наши деньги через собственные фирмы».

Когда Серебренников заканчивает, один из слушателей начинает хлопать, но его никто не поддерживает, и он перестает.

РЕЧЬ СЕРЕБРЕННИКОВА ЦЕЛИКОМ

«Ни о чем не жалею. Сочувствую вам» Речь Кирилла Серебренникова на прениях по делу «Седьмой студии». Посмотрите на первые буквы каждого абзаца

Последние слова

Судья предлагает перейти к репликам по поводу позиции обвинения. Это занимает не больше 30 минут — адвокаты

и подсудимые делают несколько технических уточнений по датам и другим деталям. Прокурор Резниченко только один раз просит говорить ближе к делу, но больше в дискуссию не вступает. На часах уже около девяти вечера.

— Теперь последнее слово, — говорит судья.

Возникает легкое замешательство: кажется, что никто не ожидал, что прения закончатся сегодня и что сегодня же прозвучат последние слова.

— Последнее слово — это последнее обращение к суду перед тем, как судья удалится в совещательную комнату, — на всякий случай уточняет Менделеева.

Серебренников переспрашивает:

— Но я же правильно понимаю, что это в свободной форме?

Судья кивает. Серебренников говорит, что один из экспертов не учел в своих оценках мероприятие «Платформы», которое называлось «Конец прекрасной эпохи».

— Поэтому я в качестве дополнения прочту это стихотворение, — говорит Серебренников.

— От начала до конца? — с опаской переспрашивает судья

— Оно небольшое, — успокаивает ее Серебренников.

После этого он достает телефон и читает стихотворение «Конец прекрасной эпохи» Иосифа Бродского. Его мало кто слушает: прокурор смотрит в телефон, многие поправляют маски или смотрят на часы.

Вот это стихотворение

Потому что искусство поэзии требует слов,
я — один из глухих, облысевших, угрюмых послов
второсортной державы, связавшейся с этой, —
не желая насиловать собственный мозг,
сам себе подавая одежду, спускаюсь в киоск
за вечерней газетой.

Ветер гонит листву. Старых лампочек тусклый накал
в этих грустных краях, чей эпитаф — победа зеркал,
при содействии луж порождает эффект изобилья.

Даже воры крадут апельсин, амальгаму скребя.

Впрочем, чувство, с которым глядишь на себя, —
это чувство забыл я.

В этих грустных краях все рассчитано на зиму: сны,
стены тюрем, пальто; туалеты невест — белизны
новогодней, напитки, секундные стрелки.

Воробьиные кофты и грязь по числу щелочей;
пуританские нравы. Белье. И в руках скрипачей —
деревянные грелки.

Этот край недвижим. Представляя объем валовой
чугуна и свинца, обалделой тряхнешь головой,
вспомнишь прежнюю власть на штыках и казачьих
нагайках.

Но садятся орлы, как магнит, на железную смесь.

Даже стулья плетеные держатся здесь
на болтах и на гайках.

Только рыбы в морях знают цену свободе; но их
немота вынуждает нас как бы к созданию своих
этикеток и касс. И пространство торчит преysкурантом.

Время создано смертью. Нуждаясь в телах и вещах,
свойства тех и других оно ищет в сырых овощах.

Кочет внемлет курантам.

Жить в эпоху свершений, имея возвышенный нрав,
к сожалению, трудно. Красавице платье задрал,
видишь то, что искал, а не новые дивные дивы.

И не то чтобы здесь Лобачевского твердо блюдут,
но раздвинутый мир должен где-то сужаться, и тут —
тут конец перспективы.

То ли карту Европы украли агенты властей,
то ль пятерка шестых остающихся в мире частей
чересчур далека. То ли некая добрая фея
надо мной ворожит, но отсюда бежать не могу.

Сам себе наливаю кагор — не кричать же слугу —
да чешу котофея...

То ли пулю в висок, словно в место ошибки перстом,
то ли дернуть отсюдова по морю новым Христом.

Да и как не смешать с пьяных глаз, обалдев от мороза,
паровоз с кораблем — все равно не сгоришь от стыда:
как и челн на воде, не оставит на рельсах следа

колесо паровоза.

Что же пишут в газетах в разделе «Из зала суда»?

Приговор приведен в исполнение. Взглянувши сюда,
обыватель узрит сквозь очки в оловянной оправе,
как лежит человек вниз лицом у кирпичной стены;
но не спит. Ибо брезговать кумполом сны
продырявленным вправе.

Зоркость этой эпохи корнями вплетается в те
времена, неспособные в общей своей слепоте
отличать выпадавших из люлек от выпавших люлек.

Белоглазая чужь дальше смерти не хочет взглянуть.

Жалко, блюдец полно, только не с кем стола вертануть,
чтоб спросить с тебя, Рюрик.

Зоркость этих времен — это зоркость к вещам тупика.

Не по древу умом растекаться пристало пока,
но плевком по стене. И не князя будить — динозавра.

Для последней строки, эх, не вырвать у птицы пера.

Неповинной главе всех и дел-то, что ждать топора

да зеленого лавра.

Следующее последнее слово — Софьи Апфельбаум. Она говорит совсем коротко:

— Прошу меня оправдать, поскольку я ни в чем не виновата. Хочу поблагодарить свою семью, свой театр, адвоката и всех, кто приходил в суд.

Следом выступает Итин. Он говорит о том, что не входил ни в какую преступную группу и не обсуждал никакие преступные замыслы, но за последние три года из-за «театрального дела» потерял любимую работу в театре.

— Гособвинение смотрит на мир через призму УК, но я не теряю надежду, что судья смотрит на мир иначе и видит в человеке в первую очередь человека, я не теряю надежды, что все сомнения должны толковаться в пользу обвиняемых, — говорит он.

Кирилл Серебренников выходит из здания Мещанского суда Москвы после заседания по делу «Седьмой студии». 22 июня 2020 года

Валерий Шарифулин / ТАСС / Scanpix / LETA

Малобродский в последнем слове благодарит тех, кто не усомнился в его честности.

— Я не прошу учитывать мой возраст, состояние здоровья и обстоятельства моей вины. Нет в этом необходимости, поскольку я уверен в своей абсолютной непричастности к преступлению, — говорит он. — Но от приговора зависит не только моя личная свобода, абсурдность обвинения ставит вопрос о перспективах для всех нас, особенно для тех молодых людей, которые стали изумленными свидетелями «театрального дела».

Все последние слова укладываются в 15 минут. Судья Менделеева объявляет, что приговор будет озвучен 26 июня в 11 часов.

Анастасия Якорева

Мы говорим как есть не только про политику. Скачайте приложение.

(1) Юрий Итин

Бывший гендиректор «Седьмой студии», один из подсудимых по ее делу.

[Вернуться к тексту](#)

(2) Алексей Малобродский

Бывший генеральный продюсер «Седьмой студии», один из подсудимых по ее делу.

[Вернуться к тексту](#)

(3) Вертушка

Разговорное название аппаратов закрытой партийной и правительственной телефонной связи в СССР, а позднее — аппаратов спецсвязи в России.

[Вернуться к тексту](#)

(4) Валерий Синельников

Один из подрядчиков «Седьмой студии», занимавшийся обналичиванием денег.

[Вернуться к тексту](#)

(5) Валерий Педченко

Один из подрядчиков «Седьмой студии», занимавшийся обналичиванием денег.

[Вернуться к тексту](#)
